

ОТДѢЛЪ V.

СМѢСЬ.

Представлениј кореляновъ о нечистой силѣ.

Вѣра въ нечистую силу или, по мѣстному названію, «Пана, Паналайнэ, кеини и кару»—сильно развита въ корелякѣ. По его мнѣнію, все рѣшительно на свѣтѣ заселено «Пана» и его служителями: они живутъ и въ озерахъ, рѣкахъ, болотахъ, лѣсахъ, домахъ, дворахъ, банихъ, ригахъ, и кажется, есть места на землѣ, где бы не было ихъ. «Когда Богъ дѣлалъ («азуй», слова для обозначенія понятия «творить» у кореляковъ иѣть) землю», случилось мнѣ выслушать отъ одного кореляка такой разсказъ, то «паналайнэ» всячески старался мѣшать Ему въ этомъ дѣлѣ: одно испортить, другое сломаетъ... Но Богу, наконецъ, не смотря на всѣ препятствія, удалось таки окончить, «дѣланіе» (азундѣ) міра. Отдѣлалъ Онъ землю и вспомнилъ тогда всѣ продѣлки «паналайнэ», и задумалъ прогнать его со свѣту... Иди, куда знаешь, говорилъ ему Богъ, только не живи на моемъ небѣ и на сдѣланной мною землѣ, выходя вонъ: я никогда не могу забыть всѣхъ твоихъ козней и простить ихъ тебѣ... Взмолился тогда «паналайнэ», взвылъ дикимъ голосомъ, упалъ передъ Богомъ на колѣни и стала всякими ласковыми словами упрашивать Его, чтобы Тотъ позволилъ ему хоть где-нибудь «приткнуть голову» (пій сїдѣйтѣ).—«Куда же я пойду, говорилъ онъ Богу. Съ неба Ты гонишь меня, на землю жить не пускаешь, куда же больше идти? —Иди, куда знаешь, говорилъ непреклонный Богъ... Долго «паналайнэ» упрашивалъ Бога, наконецъ, Тотъ не выдержалъ, смилиостивился и согласился дать мѣсто, только въ самомъ ограниченномъ объемѣ:—«Даю тебѣ места на землѣ столько, сколько займетъ конецъ колья».—Спасибо и изъ томъ, отвѣчалъ «паналайнэ», и выбралъ изъ зановѣдныхъ лѣсовъ самый, что ни на есть, длиннѣйший коль, заострилъ его съ конца и забилъ въ рыхлую, болотистую почву. Весь коль упалъ въ землю, только небольшой копчикъ его остался надъ поверхностью».

— А перехитрилъ же ты меня, говорить Богъ «паналайнэ»; я думалъ, что ты коль просто поставилъ на землю и отмѣряешь себѣ кусочекъ, какой займетъ конецъ его; а ты вотъ какъ это сдѣлалъ... Ну, да теперь ничего не подѣлаешь, слово далъ, отъ слова не отказываюсь.

Вытащилъ «паналайнэ» коль изъ земли, и пошла изъ дыры всякая нечисть въ образѣ мухъ, комаровъ, гадовъ, лягушекъ, пауковъ... и вся эта гадость разсыпалась по землѣ. Часть пошла въ воду—въ озера, рѣки и «ламбы» (небольшая лѣсная озерки)—и явились водяники; другие пошли въ лѣса—и произошли лѣсовики; иные пошли по домамъ, дворамъ, ригамъ и баниямъ и явились домовые, дворовые, баяники, а часть—таки и разсыпалась въ воздухѣ... И чтобы и было, если бы Богъ не затнуль этой дыры горящей головицей! Вотъ съ тѣхъ поръ, заключилъ мой разсказчикъ свое повѣствованіе, и живеть на землѣ нечистая сила».

Увѣренность кореляка въ новсемѣтности «пана» такъ сильна, что рѣдкій изъ нихъ осмѣлитъ утромъ выйти изъ дома, не принявъ ранѣе иѣкоторыхъ средствъ, застраховывающихъ отъ дѣйствій этого нечистаго духа.

«Зачѣмъ ты, Пекко, спрашиваю я одного кореляка, который, какъ только утромъ всталъ, прежде всего полѣзъ къ коринѣ съ мукой и взялъ пастъ ея и сѣль,—зачѣмъ ты утромъ прежде всего муху ъшь? Привычка что ли у тебя такая? —А какъ же безъ этого?.. возразилъ Пекко, какъ безъ «пюгѣллядъ» («шюгѣлле»—святое,—такъ кореляки называютъ все, приготовленное изъ муки) выйдешь на улицу? Какъ разъ, глядишь, «паналяйн» и напустить на тебя что-нибудь недобroe...»

И дѣйствительно, часто таки «паналяйн» «напускаеть» на сувѣрного кореляка. Большая часть болѣзней имъ объясняется дѣйствіями его нечистой силы. Заболѣть ли кто лихорадкой или сухоткой, наживетъ ли кто разстройство желудка, зубную боль или чесотку,—все это объясняется гиѣвомъ или иначе «носомъ» (изнѣ) «паналяйн». Напытесь ли кто воды изъ лѣснаго колодца, посидить ли на пнѣ срубленного дерева да притомъ подумаетъ что нибудь нехорошее, глядь—и нажилъ себѣ «носъ» нечистаго.

— Разъ пришлось мнѣ, рассказываль крестьянинъ села Вешкелицъ, Петрозаводскаго уѣзда, переноситъ чрезъ небольшой ручеекъ, который почему-то у насъ называется рѣкой-дѣги. Перешелъ это я и со смѣхомъ подумать—зачѣмъ эту канаву—оя называютъ рѣкой-дѣги. Какъ только подумалъ, сразу же почувствовалъ, что у меня въ брюхѣ что-то какъ-будто порвалось, и въ глазахъ потерялся свѣтъ. И съ того времени недѣли три не могъ ни єсть ни пить и болѣль такъ сильно, что не приведи Богъ ни самому лютому врагу болѣть такою болѣзнью. Ко всѣмъ колдунаамъ обращалась жена; меня и въ банѣ парили, и обливали холодной водой въ самую полночь, били по плечамъ громовыми камнемъ (камень, образующійся въ тѣхъ мѣстахъ земли, куда ударить грозой),—ничто не помогало. Тогда напослѣдовъ жена рѣшилась идти къ одному колдуну, который излѣчиваѣтъ только отъ «носа». Взяла это она у меня крестъ съ шеи и понесла къ нему. Какъ только колдунъ посмотрѣлъ на крестъ, такъ таки прямо и говоритъ: у твоего мужа «носъ воды» (ведэнъ изнѣ), т. е. хояніи воды сердится на него; пусть онъ припомнить, где оскорбиль воду и по три ночи пусть ходить туда съ пирогами и умоляетъ ее. Приходить домой жена и разсказываетъ: у тебя моль все это отъ воды, нось воды. Сразу я тогда вспомнилъ свою опрометчивую настѣшку надъ рѣкой и въ первую же полночь рѣшиль идти къ вей—просить прощенія. Жена напекла сканцевъ съ кашей и «чупуковъ» (овсянныи блинныи съ жидкай молочной кашей), и послѣ заката солнца мы съ ней отправились въ лѣсъ къ рѣкѣ. Но три ночи ходилъ я туда съ пирогами, на колѣняхъ просилъ прощенія у хозяина рѣки... И что же думаете?.. болѣзнь какъ рукой сняло, и до сихъ поръ, въ добрый часъ будь сказано, никакой хвори вѣ знаю, словно молодымъ парилемъ снова сдѣлался, такую легкость въ себѣ чувствую... И такие случаи въ Корелѣ не рѣдкость. Мнѣ самому разъ пришлось найти въ лѣсу ржавыя лепешки, бережно положенные на сукъ дерева, — приношенія болящаго кореляка. Въ первый разъ меня это очень поразило,—спрашиваю: зачѣмъ эти ржавыя лепешки сюда принесены?—Да должно быть кто-нибудь изъ крещеныхъ (ристиканзы) боленъ, такъ принесъ «пюгѣллядъ»... спокойно отвѣтилъ мой спутникъ, которому, очевидно, не въ диковинку видѣть и знать объ этихъ сувѣрныхъ приношеніяхъ...

Обиліе рѣкъ и озеръ и густыхъ лѣсовъ—породило между кореляками массу сказаний, о проживающихъ здѣсь «пана». Ихъ сколько разъ видѣли мѣстные крестьяне, разговаривали съ ними, смѣлые даже ощупывали ихъ... И всѣ эти рассказы передаются съ такимъ убѣженіемъ въ истинѣ, сознаніемъ правоты, что слушателю нѣть возможности не вѣрить...

Видѣвшіе водяника рассказываютъ, что онъ представляетъ изъ себя безобразное существо, покрытое длинкою черною или рыжею шерстью. Тѣло у него, какъ у старой женщины, съ длинными отвислыми грудями, а уши—длинныи какъ у коровы. Въ жаркіе дни, въ тихую погоду, водяникъ нерѣдко всыпываетъ на поверхность воды, садится на камень и начинаетъ расчесывать гребнемъ свои косматые, длинные волосы. Въ такомъ положеніи его видѣли очень многие изъ крестьянъ и преимущественно бабы. Вотъ что

напр., рассказывалъ мнѣ одинъ Святозерскій крестьянинъ (Петрозъ уѣзда) Харлампій Богдановъ. «Былъ воскресный день въ среднихъ числахъ іюля. Соснувъ чать, другой послѣ обѣда, я вышелъ изъ дому и направился въ село побесѣдоватъ съ мужиками-сосѣдами. Дорога въ село проходила мимо озера. Иду это я дорогой и раздумываю кой о чемъ, Взглянулъ я на озеро да такъ и осталбенѣлъ: въ шагахъ 25—30 отъ берега сидѣлъ водяникъ и расчесывалъ волосы;—вида онъ былъ чернаго и величиною съ добрую лошадь»...

Случилось, рассказываютъ старые люди въ Корелѣ, очень давно тому назадъ, что дѣтище водяника попало въ неводъ. Что такъ грузевъ неводъ, недоумѣваютъ мужики, таша сѣти на берегъ. Вытащили... и что же? Въ сѣтяхъ оказался сынъ водяника, такой маленький, рыхенький... Одни изъ крестьянъ кричатъ: на берегъ его моль слѣдуетъ выкинуть (кричатъ по-корельски) и указываютъ при этомъ руками въ гору, а водяникъ, понимая какую шутку хотятъ спутить съ нимъ крестьяне, только твердитъ: нѣть, нѣть, нѣть... Иные же, болѣе благоразумные изъ крестьянъ, советуютъ спустить его обратно въ воду и машутъ руками по направленію къ озеру; на ихъ советы водяникъ только и частитъ: да, да, да... «По корельски, вишь, замѣчаетъ старикъ-рассказчикъ, не умѣль онъ» Рѣшили крестьяне большинствоъ голосовъ—пустить сына водяника обратно въ озеро; спустили, и на другой день одному изъ рыбаковъ приснился сонъ: счастливы, говорить самъ водяникъ во снѣ, счастливы, что отпустили сына моего на волю, въ воду, а вѣ то иначе бы всѣхъ вѣсъ уморилъ съ голоду: ни рыбы, ни малька я больше не даль бы вѣмъ ни въ сѣти, ни въ неводъ».

У каждого водяника (ведѣнія, вези-кунингу) въ своемъ озерѣ или рѣкѣ есть свой собственный дворецъ. Палаты его очень роскошны и сдѣланы изъ такого чистаго хрусталия, какъ первый осенний ледъ. «Рѣдко кому удается видѣть его дворецъ, говорятъ кореляки, а если бы можно было посмотретьъ его, то очень легко выжить оттуда водяника: для этого слѣдуетъ только взять капельку «живой ртути» (элявидъ артудъ)—ртуть кореляки всегда называютъ живой), капнуть на крышу его дворца, и онъ тотчасъ уѣхжитъ вонъ далеко, далеко»...

Подъ водой у водяника цѣлое хозяйство. Онъ живетъ здѣсь, какъ богатый запасливый помѣщикъ, не зная ни въ чѣмъ нужды и лишеній. «Разъ моя бабка пѣдѣль, разсказывалъ тотъ же Святозерскій крестьянинъ, поѣхали въ лодкѣ на пожни. Почти подъѣзжали они къ пожнѣ, какъ бабка моя замѣтила, что изъ воды на берегъ высакиваются коровы,—коровы комолыя, съ короткой лоснящеюся шерстью и очень сытыя. Это коровы «вези-кунингу»», замѣтила бабка, и если бы успѣть покапать крови съ безымянного пальца на каждую корову, то всѣ они были бы паши». Какъ только сказала она это, коровы всѣ поскакали обратно въ воду, и изъ воды вдругъ высунулась большая, покрытая черною шерстью рука и схватила за бортъ лодки... Хорошо еще, что берегъ оказался близко, а то «вези-кунингу» непремѣнно успѣлъ бы опрокинуть лодку.

Хотя рѣдко, но иногда случается, что водяникъ дѣляетъ и пакости чайовѣкѣ: онъ топить лошадей, во время купанья ихъ, переворачиваетъ лодки съ бѣдущими въ нихъ людьми и задушаетъ неопытныхъ купальщиковъ, особенно хвастающихъ своимъ умѣньемъ бойко плавать и нырять. Разсказовъ о такихъ несчастныхъ случаяхъ ходить въ народѣ очевь много. Чтобы освободиться отъ водяника, уже успѣвшаго схватить свою жертву, существуетъ лишь одно средство: съ берега слѣдуетъ бросать въ воду мелкие камни и песокъ,—этого водяникъ очень и очень страшится; оставляетъ свои злые шутки и уходить въ глубину водѣ.

Лѣсовикъ-мечалайнэ, по воззрѣніямъ кореловъ, представляется высокимъ мужичиной, одѣтымъ въ военное платье: на головѣ у него красная фуражка и вся одежда въ мѣдныхъ блестящихъ пуговицахъ, оттого то онъ иногда называется «иубликязъ»—пуговичникъ. О продѣлкахъ лѣсовика существуетъ множество самыхъ разнообразныхъ разсказовъ. Такъ, многіе изъ охотниковъ, во время почевокъ въ лѣсу, часто слышали его дикий хохотъ, пѣніе и унылое завываніе. Часто встрѣчали его и днѣмъ въ лѣсу... «Пришелъ разъ онъ ко мнѣ навстрѣчу, рассказывалъ одинъ крестьянинъ, видѣвший лѣсовика, пришелъ подъ вечеръ, когда я возвращался изъ лѣсу домой,—высокаго росту и весь въ

пуговицахъ. Сталъ на дорогѣ предо мной и заговорилъ: «А жаркий сегодня былъ день...» Чемъ больше и дальше онъ говорилъ, тѣмъ все глубже и глубже увлекалъ меня въ лѣсъ. Цѣлыхъ трое сутокъ я ходилъ съ нимъ, вмѣсто хлѣба и другаго съѣстнаго на обѣдъ и ужинъ мы подавали конники навозъ. Говорили мы съ нимъ много и обо всемъ, но о чёмъ именно, не запомню. Въ первые дни мы и въ голову не приходило, что я на «худыхъ слѣдахъ» (пагубный дѣлгиль), только ужъ на третій день сообразилъ, что я не безъ чуда брошу столько дней, а домой все не попадаю...

Вспомнилъ на счастье тогда я первую фразу, которой «метчайлии» началъ со иной разговоръ, взялъ это да и брякнулъ ее въ бесѣдѣ съ нимъ: «А жаркий сегодня былъ день.. Какъ только сказалъ, — «метчайлии» вдругъ захохоталъ и, со словами: «ты, братъ, вижу я, говорить толкомъ не умѣешь, а повторяешь разъ сказанныя слова», — пошелъ отъ меня прочь съ крикомъ, шумомъ, и долго еще слышно было, какъ ломались деревья подъ его сильными ногами. «Ну, думаю я, слава тебѣ Господи, отвязался отъ «худаго—пагастя...» На первомъ же перекресткѣ снялъ съ себя всю одежду, отрясь ее старательно, чтобы не занести нечистаго домой, и потонъ, благословясь, отправился домой. Придя домой я самъ диву дался, куда меня занесла нечистая сила! Верстъ за 60—70 отъ своей деревни ушолъ, да въ такой глухой лѣсъ, что въ другое время не зналъ бы да и не умѣль бы какъ туда и пробраться...

Лѣсъ, рассказывалъ другой корелякъ, полонъ нечистой силы—«метчайлий живъ». Но мы не каждый разъ видимъ ее, а не видимъ потому, что у лѣсовика есть особенная способность: принимать ростъ, равный высотѣ тѣхъ деревьевъ, подлѣ которыхъ она стоитъ. Стоитъ она, прямѣрно, подлѣ высокой ели, и кажется тебѣ, что подлѣ ели стоитъ еще другая ель, а между тѣмъ на самомъ то дѣлѣ—это и есть лѣши. Въ маленькомъ лѣску она самъ становится и маленькимъ, а потому его опять и не отличить отъ деревьевъ. Да чтобы и было, заключилъ онъ свой разсказъ, если бы у лѣшаго не было такого свойства, тогда и въ лѣсъ то не вышелъ бы никогда, на каждомъ шагу торчаль бы онъ—«худой» и пугалъ бы своимъ видомъ «крещеныхъ»—ристикаизуойцъ.

Бывали случаи, что лѣсовикъ покидалъ людей и уводилъ ихъ съ собой на всегда. Чаще это происходить тогда, когда прокликаютъ родители своихъ дѣтей и опрометчиво говорятъ: хоть бы лѣши тебя взялъ, хоть лѣши унесъ бы тебя съ моихъ глазъ... Такъ, въ д. Сюрѣвъ (Святозер. волости, Петроз. уѣзда) былъ такой случай. Одна крестьянка мать пошла въ лѣтний день утромъ на работу. Дочка ея, небольшая дѣвочка, никакъ не хотѣла оставаться одна дома, и съ плачемъ бѣжала вслѣдъ за матерью, прося ее—взять съ собой. Мать всяко упрашивала дочку возвратиться домой; но когда все это не дѣйствовало, она, наконецъ, выведенная изъ терпѣнія, неосторожно съ горяча выпалила: «а лѣши бы лучше тебя взялъ, когда не даешь мнѣ волю идти на работу».

Дѣвочка потому скоро угомонилась и пошла обратно домой. День цѣлый пробыла въ лѣсу неосторожная мать. Вечеромъ приходитъ домой и что же?.. Дѣвочка какъ бы по виду и дочка, но только чуетъ материнское сердце, что она не настоящая дочь: «метчайлии» подмѣнилъ дочь и на мѣсто ея подсунулъ одну изъ своихъ прислужницъ.

Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени додгадки матери оправдались: дѣвочка оказалась «но полнаго человѣческаго разсудка» (эй тавъ ристиканзанъ мѣдлинѣ). Но что же съ ней подѣлаешь? Ее высыпали изъ избы въ особый чуланъ, темный, безъ оконъ, до самой смерти корили тамъ и до самой смерти глядѣли на нее, несчастную, какъ на исчадие лѣшаго... Случилось разъ, что неосторожная въ словахъ мать увидѣла свою дѣйствительную дочь. Было это дѣло въ лѣсу, въ зимнее время, во время вывозки бревенъ лѣсоприиѣзженникомъ. «Я, рассказывала потому сама мать, долго не могла заснуть въ одну ночь на воскресенье. Кажется, «нудной» (костеръ, состоящий изъ двухъ бревенъ, положенныхъ вдоль другъ на друга, при томъ между бревнами дѣлается лотокъ, въ который и кладется огонь. Пламя отъ сложенныхъ такъ бревенъ бываетъ не сильно, но держится, не потухая, до самого утра. Тепла бываетъ достаточно только для невзыскательного кореляка) горѣть хорошо, и тепла было вдоволь, но я никакъ не могла заснуть сномъ, который такъ былъ мнѣ нуженъ послѣ трудовъ тяжелой недѣли... Уже подъ самое утро, когда стало свѣтать, вдругъ я услышала шумъ отъ ёдушихъ по снѣгу

саней. Чрезъ иѣсколько времени изъ лѣсу выѣхалъ на черной высокой лошади мужчина, одѣтый въ приличное платье: на немъ былъ тулузъ, крытый чернымъ сукномъ, съ черными же барашковыми воротникомъ; на головѣ хорошая бобровая шапка, точь-въ точь какъ у прикашика. Рядомъ съ нимъ сидѣла дѣвушка, также очень хорошо одѣтая. Я, признаюсь, подумала сначала, что это должно быть прикащикъ прѣѣхалъ для приема дровъ... Но зачѣмъ же тутъ рядомъ съ нимъ дѣвушка?.. Когда подѣхали ближе, то въ сидѣщей дѣвушкѣ я узнала свою Огую Агафью-дочь, которую унесъ лѣший). «Не бойся, говорить, мама, это я—твоя дочка Огую. Меня послали того разу, какъ ты прогляла, унесъ лѣший — метчайбайнэ. Жить мнѣ у него и хорошо бы, да скучно по дому. Мы съ нимъ всеѣдимъ по лѣсу, и иногда только, когда есть захочется, заглядываемъ въ деревни и города. Кто положить что-нибудь изъ сѣѣстнаго безъ благословенія, то мы съ нимъ и сѣѣдимъ, а наѣсто кониной навозъ подлагаемъ. У меня съ нимъ уже и ребенокъ есть... Если ты, мама, хочешь меня возвратить къ себѣ, то сними со своей шеи крестъ и, какъ можно проворище, накинь его мнѣ на шею... Тутъ уже лѣший не будетъ имѣть власти надо мной, и я навсегда останусь съ вами.—Вместо того, чтобы скорѣе исполнить совѣтъ дочери—накинуть на воротъ ей крестъ, я, дурища, рассказывала крестьянка, вмѣсто этого такъ перепугалась, что не смѣла даже шевельнуться... Постояли сани предо мной еще такъ минуту съ полдесятокъ, а потомъ, какъ птица (каку лианду), понеслись впередъ. Иѣсколько разъ, видѣла хорошо, Огую оборачивалась ко мнѣ, кивала головой въ знакъ прощанія и смотрѣла такъ печально, печально...»

Дворовый — «муа-нардій» является въ видѣ кошки или собаки. Его рѣдко кто видѣлъ, но иногда хозяинамъ-бабамъ случается замѣтить, какъ онъ по вечерамъ, во время доенія коровъ, осторожно крадется по двору, по самый край стѣны... «Сижу это я разъ на дворѣ, рассказывала «дна корелка, и дою корову; вижу какъ будто кто-то медленно движется о самую стѣну; видомъ, — какъ кошка, прошолъ ишмо, посмотрѣль разъ на меня и сразу скрылся у порога хлѣва». Дворовый каждого двора любить скотину только иѣкоторыхъ извѣстныхъ мастей. «Что же ты, Микко (Никита), спросиши иного крестьянина, не купишь такой-то коровы? Корова хорошая и просить за нее недорого. — Корова то хорошая, и цѣна невысокая, лѣниво возразить онъ, можно бы и купить да, вишь, дѣло-то въ чѣмъ, черной шерсти она, а «мой» черныхъ не долюбливаются». И, не дай Богъ, если хозяинъ, по своему незнанію, заведеть у себя такую скотину, масть которой не по вкусу дворовому. Онъ такъ или иначе, рано или поздно изведетъ ее; такую скотину какъ ни кормилъ, какъ ви пой, а она всегда будетъ хуже другихъ: тощая, паршивая, постоянно въ навозѣ... За то, хорошо той скотинѣ, которую любить «муа-нардій». Онъ по ночамъ самъ кормить ее, гладить, чистить, а у лошадей даже зашлетаетъ гривы. Бываетъ иногда такъ, что корова ночью, во время сна, наваливается бокомъ на «муа-нардія», и это ей не обходится даромъ: на другой же день у неї вспухаетъ вымя и бока, и только наговорная соль зонахарки излечиваетъ ее отъ этого недуга...»

Таковы вкратцѣ суевѣрныя представленія кореляка о нечистой силѣ... И думаю, что много еще лѣть суждено миновать, прежде чѣмъ хоть сколько-нибудь разсѣется этотъ густой туманъ невѣжества, такъ плотно пока окутывающій весь этотъ край...

Н. Лѣсковъ.

Замѣтки по этнографіи бѣлоруссовъ.

II¹⁾.

Къ сообщенію, сдѣланному мною раньше, я прибавлю ниже еще иѣсколько данныхъ. Цѣль и порядокъ настоящаго сообщенія тѣ же, что и предыдущаго. Матерьяломъ для составленія настоящихъ замѣтокъ послужили отвѣты священниковъ и народныхъ учителей на вопросы, разосланные Минскимъ Статистическимъ Комитетомъ. Матерьялы эти были обязательно предоставлены мнѣ названнымъ комитетомъ, за что я считаю своимъ пріятнѣмъ долгомъ выразить глубокую признательность секретарю комитета Александру Павловичу Смородскому.

¹⁾ См. I ст. въ Жив. Стар. II. 1893.